

инна
денисова

СДЕЛАЙ МЕНЯ ТОЧНО

как репродуктивные
технологии
меняют мир

INDIVIDUUM
МОСКВА, 2021

УДК 612.6

ББК 57.1

Д33

Денисова, Инна Викторовна.

Д33   Сделай меня точно. Как репродуктивные технологии меняют мир / Инна Денисова. — Москва : Индивидуум, 2021. — 240 с.

ISBN 978-5-6045889-4-9

Количество детей, родившихся в результате экстракорпорального оплодотворения — ЭКО, — за последние восемь лет выросло в России в два раза: ежегодно в стране делают около 160 тысяч процедур. Репродуктивные технологии сдвигают возрастные границы деторождения, а суррогатное материнство вообще трансформирует понятие семьи. Главное, чтобы были деньги и желание. Но все ли так просто и радужно? Журналистка и документальный режиссер Инна Денисова пишет о том, как мир фантазий, взятых из кино и сериалов, сочетается с реальной жизнью — ее собственной и десятков других женщин и мужчин. Но что важнее, «Сделай меня точно» показывает, как эти истории меняют наши представления о гендере, психологии, технологии, юриспруденции, этике и смысле жизни

УДК 612.6

ББК 57.1

© Инна Денисова, 2021

ISBN 978-5-6045889-4-9

© ООО «Индивидуум Принт», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

9	ПРЕДИСЛОВИЕ
13	1: ИСТОРИЯ
19	2: БИОЛОГИЯ
37	3: ТЕХНОЛОГИЯ
69	4: ЭТИКА
91	5: РЕЛИГИЯ
109	6: ГЕОГРАФИЯ
129	7: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
145	8: ПСИХОЛОГИЯ
163	9: СОЦИОЛОГИЯ
187	10: АЛЬТЕРНАТИВЫ
205	11: ФУТУРОЛОГИЯ
215	ПОСЛЕСЛОВИЕ
217	БЛАГОДАРНОСТИ
218	БИБЛИОГРАФИЯ

Маме

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я бы хотела написать, что эта история началась с моего желания иметь детей. Но это будет неправдой. Эта история началась с предложения завести детей. Некоторым их делают мужья или партнеры, я получила свое от гинеколога.

«Вот анализ на гормон АМГ, это маркер вашего овариального резерва. Цифры низкие. Резерв истощен из-за эндометриоза. Самостоятельной беременности не будет. Но, может быть, вам поможет репродуктолог».

В начале было слово, слово было у врача, и словом было ЭКО. Дивный новый мир, подчиненный этому слову, требовалось творить самой — из хаоса собственной жизни.

К определенному возрасту общество требует сдачи семейно-карьерного норматива — я свой провалила с треском. Я не наблюдала биологических часов и не соблюдала социальных дедлайнов, а временные рамки, расставленные на пути, проходила, громко звеня. Показатели АМГ отправили меня в шварцевскую сказку о потерянном времени; как заколдованный школьник, я встала перед выбором — то ли переводить стрелки назад, то ли уже навсегда оставаться стареть в собственном детстве.

За решением завести детей обычно стоит желание взрослых. Брокгауз и Эфрон объясняют, что желание есть средняя степень воли между простым органическим хотением, с одной стороны, и обдуманном решением или выбором — с другой. Механизм хотения приводит в действие сила наших представлений о счастье. Ребенок традиционно водружен на вершину этих представлений, как звезда на рождественскую елку. Собери фокус-группу из десяти человек, попроси их закрыть глаза и нарисовать в воображении картинку счастья — большинство систем сгенерирует смеющееся дитя; девять из десяти камер-обскур воспроизведут именно этот оттиск.

Возможно, потому что в основе «хотения» — эволюционный наказ каждой живности пустить побег и принести плод. Но ведь человеку мало животного существования. Даже самая примитивная особь стремится придать тувелькиной жизни смысл. И тут запускается второй компонент, экзистенциальный. В будущее возьмут не всех, но лишь тех, кто предъявит страничку в «Википедии». А если ты не Эйнштейн, не Махатма Ганди или хотя бы

не врач скорой помощи, смысла в тебе может не быть во-все. Зато в твоём ребенке — ну мало ли, ну а вдруг. Следовательно, ребенок — твой единственный пропуск в завтра, твоя инвестиция в продолжение себя в мире и мира с твоим участием.

Третья составляющая «хотения» — чье-то веление.

Здесь выкристаллизованное таким трудом индивидуальное желание материнства растворяется в водовороте коллективных представлений и стереотипов. «Мне 37 лет, я боюсь не успеть». «Мне стыдно, что у моего папы до сих пор нет внуки». «С ребенком я реализуюсь как женщина». Бессознательное прострочено установками вдоль и поперек, поплыви в другую сторону — и ты маргинал, вне нормы, за буйком общественного принятия. Социум не только не простит тебе бездетности — он заставит тебя не простить ее самой себе.

Полярность среднестатистической женской судьбы не знает полутонов даже в век победившего феминизма: «плюсом» ее будет отраженное миллионами инстаграмов замужнее материнство, «минусом» — бездетное тоскливое одиночество.

Теперь об обратной стороне желания — о возможностях.

Русская пословица шокирует рационалиста безответственностью подхода: Бог дал детей, даст и на детей. В Африке, в кенийском городке Малинди, меня как-то раз подвозил шофер. Увидев, что я живу в хорошем отеле, он тут же предложил стать моим гидом за сто долларов в день. По-английски при этом он говорил плохо. «У меня пять детей, — так он объяснил несоответствие цены услуги ее качеству, — я зарабатываю тридцать долларов в месяц. Мне нечем их кормить». Став объектом эмоционального шантажа, я попросила разрешения задать личный вопрос.

— Но ведь ваша зарплата никогда не была выше тридцати долларов? Зачем вам пять детей, если вы могли родить одного?

— Я верующий, — кротко ответил шофер, — детей мне послал Бог.

Следом, очевидно, была послана я, чтобы подать на детей. Но сколько еще чужой щедрости хватит на эту и другие голодные африканские семьи? Средневековый подход в его лице столкнулся с рациональным в моем. Так сталкивались точками зрения разные поколения: вопрос деторождения всегда был нерегулируемым перекрестком с повышенной аварийной опасностью.

Мои дедушки с бабушками, колоссы и монолиты, застывали и каменели в мировых войнах, заглянувших им в глаза горгонами медузами. Рождение детей было для них онтологическим вызовом, перчаткой, брошенной в лицо смерти. Бабушка родила маму в 24 года. Семья дед-фронтовика только что заселилась в ванную комнату. Новорожденная спала в пластмассовом тазике, где днем стирали белье, и, просыпаясь, смотрела на мир в щелочку приоткрытой двери.

Матери и отцы моих ровесников, беби-бумеры, росли уже без внешней угрозы. Близость войны отозвалась тревожным аккордом в мироощущениях. Почти все они мечтали быть стереотипными героями, как их родители, но не все были. Одних мечты приводили в космос, других — в вырезвитель. Труд- и алкоголики улучшали мир, экспериментируя с искусством и музыкой, изобретая ЭКО и интернет. Мама родила меня в тридцать, чтобы успеть между аспирантурой и кандидатской диссертацией.

Задачей «иксов», то есть нас, стало избавление от хлама страданий, накопленного в предыдущих поколениях. Мы бодро приступили к решению уравнения, вынесли за скобки «токсичных» членов и смело подставили прежде неизвестные вроде антидепрессантов и психотерапевтов. Корень счастья требовалось извлечь прежде, чем приступать к родительству. Ведь от нас больше не требовалось растить ни достойного, ни полезного члена общества; главное — не вырастить психопата, нарцисса или их жертву. Порог деторождения отодвинулся еще дальше. Мы не всегда успевали найти решение до заката репродуктивной функции. ЭКО стало нашим фирменным способом размножения.

Возвращаясь ко мне и моим родительским возможностям. Моему материнству на этом рейсе достались не просто «неудобные кресла» — мне предлагалось провести весь полет стоя, причем на одной ноге.

Партнерство, в котором я состояла, решительно не годилось для совместного выращивания детей. Не осталось старших членов семьи, способных меня поддержать в этом деле, — остались лишь нуждающиеся в моей поддержке. Я жила в стране, неудобной для родительства. Двум предыдущим поколениям моей семьи партия Ленина подарила детсады и школы, пионерлагеря и поликлиники. Российский капитализм выставил мне за материнство счет. Попытка начать его в клинике обходилась примерно в двести тысяч; в месяц я зарабатывала чуть больше ста.

Результаты моего внутреннего голосования выглядели следующим образом. В одной чаше весов все аргументы против: пудовые гири, килограммы препятствий и трудностей. В другой, той, что за, — лепестки и воздушные пузырьки, иллюзии и проекции. Мне был любопытен эмпирический опыт, подобно Сергею Платонову из рассказа Куприна «Яма», мечтавшему побыть курицей, или лошадью, или женщиной, чтобы родить.

Мне хотелось отразиться в новом человеке, собой и своими родными.

Мне хотелось такой любви, какой любят только своих детей.

Идеалист в итоге взял верх над прагматиком. Так начался репродуктивный волюнтаризм, описанный в этой книге.

ГЛАВА 1: ИСТОРИЯ

Мир меняют научные открытия. Некоторые радикально, до неузнаваемости — такие, например, как изобретение Гутенбергом книгопечатания или Коперником гелиоцентрической системы. В прошлом веке точкой невозврата к старому миру, наряду с антибиотиками, атомной бомбой и космонавтикой, стало экстракорпоральное оплодотворение. В лаборатории собрали наконец пазл из клеток человеческого тела. Взяли женскую яйцеклетку. Оплодотворили сперматозоидами *in vitro*, то есть «в стекле» (а точнее, в чашке Петри — сосуде, изобретенном немецким бактериологом и названном в честь него). Получили развивающийся эмбрион. И на пятые сутки вернули в матку — туда, где он оказался бы сам, если бы ничего ему не мешало. Эмбрион продолжил делиться, словно не заметив, что выходит погулять.

Так за пять суток ученые прошли путь, которым оказались идти Бог и природа, прежде шефствовавшие над беременностью; день изобретения ЭКО стал последним днем их всемогущества.

Амбициозный проект создания человека всегда беспокоил ученых; особенно умы раззуделись в Ренессанс. Доктор Бомбаст фон Гогенгейм, Парацельс, алхимик, реформировавший медицину, создавал гомункула. В трактате «О природе вещей» он предлагал взять сперму и «оставить гнить ее сперва в запечатанной тычке, потом в лошадином желудке сорок дней, пока не начнет жить, двигаться и копошиться», а дальше питать то, что получилось, человеческой кровью^[1]. Рецепт коллеги совершенствовал алхимик Иоганн Конрад Диппель, кипятя в чане фрагменты человеческого тела.

Пока ученые рассеивали сумрак, писатели старательно его сгущали. Гёте списал с Парацельса доктора Фауста, заключившего пакт с Мефистофелем. Фантазия Мэри Шелли родила монстра Франкенштейна. Олдос Хаксли и вовсе заразил умы людей страхом биологического тоталитаризма, к которому якобы приведет клонирование. От гомункула до Полиграфа Полиграфовича Шарикова:

первому ребенку, зачатому искусственно при помощи вспомогательных технологий, достался не самый приятный ассоциативный ряд.

К изобретению ЭКО приложены сотни рук в стерильных перчатках. Еще в 1780-х ученый священник Ладзаро Спалланцани искусственно осеменяет лягушек, рыб и собак — он первым в мире пробует метод искусственной инсеминации на животных. Женщину с помощью этого метода в 1785 году оплодотворил спермой ее мужа шотландский хирург Джон Хантер: жена торговца полотном забеременела. Официально об успехе заявили только через сто лет: о процедуре искусственного осеменения женщины, у мужа которой была азооспермия*, рассказал американский журнал *Medical World*; открытие метода инсеминации присвоили доктору Уильяму Панкоусту и датировали 1884 годом.

В 1944 году американские врачи Джон Рок и Мириам Менкин достали яйцеклетки из живой женщины. В 1959 году исследователь из Массачусетса Мин Чуэ Чанг пересадил эмбрионы крольчихе, и она родила здоровых крольчат. Первой человеческой беременности *in vitro* добился австралиец Карл Вуд в 1973 году — только случился выкидыш. Были еще ученые — Грегори Пинкус, Джон Хаммонд, Ральф Бринстер. Все наперегонки бежали к финишу. Ленточку в итоге порвал британский профессор Роберт Эдвардс.

Мир несправедлив. Случай наугад тычет пальцем в победителя. Паровую машину поочередно изобретали шотландец Ньюкомен, не получивший на нее патента, и барнаулец Иван Ползунов, умерший за неделю до ее запуска; даже его могила потеряна. В вечности изобретателем парового двигателя остался Джеймс Уатт, чьим именем назвали единицу мощности и чей портрет напечатали на пятидесятифунтовой банкноте. Все без исключения Бронте занимались литературой, Шарлотта не лучше прочих, а кто помнит сестру Энн или брата Бренуэлла? 10 ноября 1977 года искусственное оплодотворения впервые привело к удачной беременности. Процедуру провели трое. Нобелевскую премию получил только один.

Что мы знаем о Роберте Джеффри Эдвардсе? Родился в бедной семье в Западном Йоркшире. Воевал, вернулся, учился сельскому хозяйству в уэльском Бангоре, бедствовал, не мог платить за учебу. Переехал в Эдинбург, занялся генетикой животных, стал публиковаться, прославился.

• Отсутствие сперматозоидов в эякуляте, одна из причин мужского бесплодия. — Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

• Лапароскопия — метод хирургии, позволяющий провести операцию на внутренних органах с помощью небольшого отверстия.

Получил грант, поработал в Калифорнии и был приглашен в Кембридж заниматься экспериментами с человеческим материалом — оплодотворять яйцеклетки в пробирке. В клинике Олдема, что в трехстах километрах от Кембриджа, работал гинеколог Патрик Стептоу, виртуоз лапароскопии¹. Стептоу умел доставать яйцеклетки, не повреждая их. Робертсу был нужен соратник. Вместе они начали ставить опыты на женщинах-добровольцах. В 1969 году были оплодотворены две клетки: тут же вышла статья в журнале *Nature*². Мир ждал первой беременности *in vitro*, затаив дыхание. Только никто не беременел. С 1971 по 1974 год было перенесено больше ста эмбрионов — не прижилось ни одного. Тогда ученые меняют протокол гормональной стимуляции, пытаясь понять, что же не дает эмбриону прикрепиться. В 1975 году беременность наступает и прерывается. Потом снова наступает — и оказывается вне-маточной. Ключик к тайне прикрепления эмбриона был подобран в ноябре 1977 года: звезды в гороскопе Лесли Браун привели ее в нужный момент в нужное место.

Жительница Бристоля, жена железнодорожника Джона Брауна, пыталась забеременеть девять лет. Это было невозможно с диагнозом «непроходимость труб». Лесли отчаивалась и думала о разводе, чтобы дать мужу возможность жениться на той женщине, которая сможет родить. В 1976 году Брауны, услышав об эксперименте, приезжают на прием к доктору Стептоу. Лесли соглашается стать его частью. Ее яйцеклетку берут в естественном овуляционном цикле, без стимуляций. Оплодотворяют, переносят эмбрион в матку. Две недели спустя тест показывает беременность.

Не факт, что Лесли знала, что до нее никто не рожал детей, зачатых в пробирке. А врачи не знали наверняка, кто может родиться. Но всем было очевидно, что на беременную экспериментом женщину нужно срочно надеть шапку-невидимку хотя бы на первых месяцах, пока есть угроза выкидыша. Эдвардс вспоминал, как ночью Стептоу вывел Лесли Браун через черный ход, посадил в машину и отвез к своей матери, где ей пришлось побыть некоторое время. Официальное заявление было сделано на шестом месяце беременности. И грянул гром.

Таблоиды взвились передовицами о «франкен-бейби». Альбино Лучиани, будущий Иоанн Павел I, метнул из Ватикана предупредительную молнию. Даже биохимик Макс Перуц, нобелевский лауреат, и тот чихнул в адрес коллег ядовитыми брызгами, заявив, что

инвалидность ребенка будет виной доктора Эдвардса. «Как только ЭКО войдет в медицинскую практику, ад вырвется наружу», — прочил Джеймс Уотсон, генетик и Нобелевский лауреат, открывший структуру молекулы ДНК^[3] (рискуем предположить, что он просто завидовал Роберту Эдвардсу).

Репортеры дежурят у входа в клинику Боурн-Холл. Пытаются попасть внутрь разными способами: от звонков с сообщениями о минировании, чтобы создать панику — пришлось даже эвакуировать рожениц, — до маскарада с переодеванием в уборщиков.

То есть столько недоумения не было даже по поводу ребенка Девы Марии. К ее родам, во всяком случае, было меньше внимания, чем к родам отважной и храброй Лесли Браун из Бристоля. Девочку, родившуюся 25 июля 1978 года, за 13 минут до полуночи, не отдали сразу матери — у нее брали анализы и отпечатки пальцев, ее измеряли и взвешивали. А после — вытирали пот с ученых лбов, мысленно осеняя себя крестным знаменем. Девочка ничем не отличалась от других рожденных в тот же день девочек. Брауны назвали дочь Луизой. Эдвардс и Стептоу, на правах названных отцов, дали ей второе имя — Джой, радость.

Джон Браун сперва не мог прорваться в больницу к дочери. Потом не мог вырваться с дочерью из больницы — был атакован толпами. Костер их любопытства продолжал разгораться. Три месяца спустя почтальон доставляет посылку в дом Браунов. Внутри — письмо, забрызганное бутафорской кровью, и еще два письменных упражнения в остроумии: гарантийный талон на ребенка из пробирки и инструкция по его использованию. В одном из пунктов инструкции предлагалось хранить ребенка в унитазаной бачке. Эти письма сегодня — экспонаты отдела социальной истории Бристольского Музея.

Родители показывают четырехлетней Луизе видеосъемку первых часов после ее рождения, объясняя, что назойливость глупцов станет спутницей ее жизни. От школьного буллинга — «Как такая толстая девочка поместилась в пробирке» — до анонимных электронных посланий, которые приходят ей даже сегодня.

Через четыре года Лесли и Джон делают ЭКО снова. Родается Натали, сестра Луизы. Она будет первой, кто самостоятельно забеременеет и родит, развеяв еще один связанный с ЭКО миф о том, что у зачатых *in vitro* этого не получится.

Как сложилась дальнейшая судьба героев повести о настоящем человеке из пробирки?

Луиза Браун всю жизнь жила в Бристоле^[4]. Работала нянкой в яслях, потом была экспедитором по отправке грузов. В 2004-м вышла замуж за Уэсли Маллиндера, охранника ночного клуба. Шафером на свадьбе стал доктор Эдвардс. Забеременела (тут снова важно прибавить «самостоятельно») и родила сына Кэмерона Джона. Эдвардс и Стептоу в 1980 году открыли в Кембриджшире первую в мире ЭКО-клинику Боурн-Холл, где Стептоу назначил себя главврачом, а Эдвардс — начальником исследовательского подразделения^[5].

Слава распределилась следующим образом: Эдвардсу досталась ее большая часть, Стептоу — меньшая. Джин Парди не досталось вовсе^[6]. Она была санитаркой-эмбриологом, работавшей в их команде. Сделанные ей эмбрионы переносились в матку больше 250 раз. Когда Парди шла в отпуск, лаборатория закрывалась. Имени Джин Парди нет на мемориальной табличке, висящей на двери клиники Олдема. «Зачатие *in vitro* с наступившей беременностью случилось здесь благодаря мистеру Патрику Стептоу, доктору Роберту Эдвардсу и персоналу, который им помог в ноябре 1977 года». В 1985 году Джин Парди умерла от меланомы, ей было всего 39 лет. В 1988 году умер Патрик Стептоу.

Только в 2001 году Роберту Эдвардсу дали Ласкеровскую премию, самую престижную после Нобелевской награду в медицине. В 2007-м *The Telegraph* включила его в топ-100 ныне живущих гениев^[7]. Он был стар, Альцгеймер подкрался незаметно. Признание часто и очень досадно опаздывает на пять минут. На могиле Модильяни написано: «Смерть настигла его на пороге славы». Довлатов умер за пять дней до выхода на родине «Заповедника». Нобелевскую премию по физиологии и медицине «за разработку оплодотворения *in vitro*» приехала получать жена Эдвардса; сам он уже не смог. В 2011 году его посвятили в рыцари. В 2013-м Роберт Эдвардс умер. Луиза Браун дала его имя второму сыну — Эйден Патрик Роберт.

Лесли Браун умерла на год раньше Эдвардса — в июне 2012 года от инфекции желчного пузыря (а не от рака, как ей сулили). Оставшись единственным свидетелем и свидетельством, Луиза Браун написала автобиографию^[8]. Сегодня она — талисман и приглашенная звезда научных конференций. Ее день рождения — профессиональный праздник репродуктологов

и эмбриологов. На свой сорокалетний юбилей, небезразличный всему человечеству, Луиза Браун произнесла речь в Лондонском музее естественной истории. Ее необычность давно в прошлом. В мире живет больше девяти миллионов детей, зачатых по методу ЭКО.